

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

«Public Domain»

1905

Белый А.

Апокалипсис в русской поэзии / А. Белый — «Public Domain», 1905

ISBN 978-5-457-14113-1

«Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира – эти перегородки невещественны и немыслимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредование единства, – как различие складок все той же ткани, все тем же оформленной. Сорвана вуаль с мира, – и эти фабрики, люди, растения исчезнут; мир, как спящая красавица, проснется к цельности, потряхнет жемчужным кокошником; лик вспыхнет зарею; глаза, как лазурь; ланиты, как снеговые тучки; уста – огонь. Встанет – засмеется красавица. Черные тучи, занавесившие ее, будут пробиты ее лучами; они вспыхнут огнем и кровью: обозначится на них очертание дракона: вот побежденный красный дракон будет рассеян среди чистого неба...»

ISBN 978-5-457-14113-1

© Белый А., 1905
© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

Панмонголизм!
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя.
А. Блок¹

I

Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира – эти перегородки неведущественны и немислимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредование единства, – как различие складок все той же ткани, все тем же оформленной. Сорвана вуаль с мира, – и эти фабрики, люди, растения исчезнут; мир, как спящая красавица, проснется к цельности, потряхнет жемчужным кокошником; лик вспыхнет зарею; глаза, как лазурь; ланиты, как снеговые тучки; уста – огонь. Встанет – засмеется красавица. Черные тучи, занавесившие ее, будут пробиты ее лучами; они вспыхнут огнем и кровью: обозначится на них очертание дракона: вот побежденный красный дракон будет рассеян среди чистого неба.

II

Стояла весна 1900 года. Темное крыло грядущего затенило дни, и в душе поднялись тревожные сновидения. Человечеству открылся единственный путь. Возник контур религии будущего. Пронеслось дыхание Вечной Жены.

Лекция Соловьева «О конце всемирной истории» поразила громом². Но великий мистик был прав. Помню его с бездонно устремленными очами, с волосами, разметавшимися по плечам, иронически-спокойного с виду, задумчивого, повитого тучей огня. Резко, отчетливо вырывались слова его брызгами молний, и молнии пронзили будущее; и сердце пленялось тайной сладостью, когда он уютно склонял над рукописью свой лик библейского пророка; и картина за картиной вставляли среди тумана, занавесившего будущее. Обозначился ряд ледяных пиков, крутых снегоблещущих гор, по которым мы должны будем пройти, чтобы не свалиться в пропасть. А из черных провалов взвивался дым туч; лучи солнца, обливая тучи кровью, являли в дымах грядущий лик воспламененного яростью дракона.

Но с бессмертных высот платонизма и шеллингизма Соловьев увидел розовую улыбку Мировой Души. Он понял и сладость «Песни Песней», и знамение «Жены, облеченной в солнце»³. И вот с философских высот сошел в этот мир, чтобы указать людям на опасности, им грозящие, на восторги, им неведомые. И в уютных комнатах раздавался его рыкающий глас, и длинные руки лихорадочно перелистывали страницу за страницей. Боролся с ужасом, сильный и властный; казалось, точно перевертывал не страницы, но срывал маску с утаенной врагом истины. И маска за маской слетали; и маска за маской рассыпались туманным прахом. И зажигался прах. И *злое пламя земного огня разгоралось*. Но «все, кружась, исчезало во мгле»⁴ – и вот мы сидели за чайным столом, и он, окончив чтение, оглашал стены безумно детским хохотом, прислушиваясь к шуткам. Но виденья, им вызванные, грозились в весенних окнах золотыми зарницами.

Меня поразила не столько сама «Повесть об антихристе», сколько слова действующих лиц: «А я вот с прошлого года стала тоже замечать, и не только в воздухе, но и в душе: и здесь нет полной ясности. . . *Все какая-то тревога и как будто предчувствие какое-то зловещее*» («Три Разговора»)». В этих словах я прочел все неуяснимое доселе в своих личных переживаниях. Я обратился к Владимиру Сергеевичу с вопросом о том, сознательно ли он подчеркивает слова о тревоге, подобно дымке опоясавшей мир. И Владимир Сергеевич сказал, что такое подчеркивание с его стороны сознательно. Впоследствии слова о «дымке» подтвердились буквально, когда разверзлось жерло вулкана и черная пыль, подобно сети, распространилась по всей земле, вызывая «пурпуровое свечение зорь» (Мартиника)⁶. Еще тогда я понял, что причины, являющие перед глазами эту сеть, брошенную на мир, находятся в глубине индивидуального сознания. Но глубины сознания покоятся в универсальном, все-ленском единстве. Еще тогда я понял, что дымка, занавесившая духовный взор, падет на Россию, являя вовне все ужасы войн и междоусобий. Я ждал извне признаков, намекающих на происходящее внутри. Я знал: над человечеством разорвется фейерверк химер⁷.

² Лекция Вл. Соловьева о конце всемирной истории, куда тематически вошла и упоминаемая ниже «Краткая повесть об антихристе», была прочитана им в Петербурге в марте 1900 г.

³ Книга «Песни Песней» Соломона – одна из книг Ветхого завета; «Жена, облеченная в солнце» – образ Апокалипсиса (Откр. 12:1).

⁴ Строка из стихотворения Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь» (1887).

⁵ «Три разговора» и примыкающая к ним «Краткая повесть об антихристе» (1900) – написанные незадолго до смерти Вл. Соловьева философские произведения эсхатологического характера.

⁶ Речь идет о знаменитом извержении вулкана Монтань-Пеле (Мон-Пеле) на острове Мартиника в 1902 г.

⁷ Эти слова, сказанные в 1905 г., перекликаются с пророчески-поэтической формулой Белого 1921 г.: Мир – рвался в

И действительность не замедлила подтвердить эти ожидания: раздались слова Д. С. Мережковского об апокалиптической мертвенности европейской жизни, собирающей явить Грядущего Хама. Появился новый тип, воплотивший в себе хаос, вставший из глубин, – тип хулигана. Грозно вырос призрак монгольского нашествия. Над европейским человечеством пронесся вихрь, взметнул тучи пыли. И стал красен свет, занавешенный пылью: точно начался мировой пожар. Еще Ницше накануне своего помешательства предвидел всемирно-историческую необходимость всеобщей судороги, как бы гримасы, скользящей по лицу человечества. «Мировая гримаса» – маска, надетая на мир, ужаснула и Вл. Соловьева. Мережковский указал на мировое безумие, подтачивающее человечество. Хаос изнутри является нам как безумие, – извне, как раздробленность жизни на бесчисленное количество отдельных русл. То же в науке: неумелая специализация порождает множество инженеров и техников с маской учености на лице, с хаотическим безумием беспринципности в сердцах. Безнравственное приложение науки создает ужасы современной войны с Японией – войны, в которой видим явившийся; нам символ встающего хаоса. Просматривая брошюру Людовика Нодо «Они не знали»⁸, узнаем, что все наши военные операции – сплошной оптический обман. Япония – маска, за которой – невидимые. Вопрос о победе над врагами тесно связан с перевалом в сознании, направленным к решению глубочайших мистических вопросов европейского человечества.

У Соловьев глубоко провидел мировой маскарад, участниками которого мы являемся. Дымка, носившаяся в воздухе, после смерти Соловьева, правда, осела, как бы прибитая дождем. Небо глубочайших душевных глубин очистилось. Там замелькали нам чьи-то вечные, лазурно-успокоенные очи, но зато пыль, носившаяся в небе, осела на все предметы, пала на лица, резко очерчивая, почти искажая естественные черты, создавая невольный маскарад.

Вихрь, поднявшийся в современной России, взметнувший пыль, должен неминуемо создать призрак красного ужаса – облака дыма и огня, – потому что свет, пронизывая пыль, зажигает ее. Следует помнить, что призрачен красный дракон, несущийся на нас с Востока: это туманные облака, а не действительность; и войны вовсе нет: она – порождение нашего больного воображения, внешний символ в борьбе вселенской души с мировым ужасом, символ борьбы наших душ с химерами и гидрами хаоса. Тщетна борьба с ужасной гидрой: сколько бы мы ни срубили змеиных голов, вырастут новые, пока мы не поймем, что самая гидра призрачна; она – Маска, наброшенная на действительность, за которой прячется Невидимая; пока мы не поймем, что Маска призрачна, она будет расти, слагая кровавые всемирно-исторические картины: извне налетающий дракон соединится с красным петухом, распластавшим крылья над старинными поместьями в глубине России: все потонет в море огня. Призрак будет смеяться. И «красный смех»⁹ его подожжет вселенную. Светопреставление для ослепленных ужасом, – ведь оно – только мировой «красный смех» ужаса.

Упрекают Л. Андреева в субъективизме: вместо того чтобы описывать массовое движение войск или бытовую картину войны, он будто грезит; но в этом его проникновение в современность. Вот слова очевидца войны: «В современной войне все таинственно, рассеянно, далеко, невидимо, отвлеченно; это – борьба жестов, воздушной сигнализации, электрических или гелиографических сношений... Приблизьтесь к сражающимся – и вы ничего не увидите пред собой... Если это батарея, то, укрытая за какой-нибудь складкой почвы, она, кажется, без цели и смысла палит в пространство... Вы постоянно обмануты фантазмагорией... Это – война... невидимая, бесформенная, скрытая... Кто взял Ляоян? Японская

опытах КюриАтомной, лопнувшего бомбойНа электронные струиНевоплощенной гекатомбой. («Первое свидание»; 1921)

⁸ Имеется в виду брошюра: *Нодо Л. Они не знали...* (Ils ne savaient pas...). Письма военного корреспондента газеты «Le Journal» о русской армии в кампании 1904 г. М., 1905.

⁹ «Красный смех» (1904) – рассказ Л. Андреева, обличающий ужасы войны.

армия? Да, конечно, японская армия, но с помощью кошмара... Потребность в надежде, иллюзия, апатия, фантазия... небылицы... незнание действительности – вот из чего состояла первая кампания» (Людвик Нодо)¹⁰. Узнать *действительность* – значит сорвать маску с Невидимой, крадущейся к нам под многими личинами. Соловьев пытался указать нам на благовидную личину лжи, накинутаю врагом на лик Той, Которая соединит разъединенные небо и землю наших душ в несказанное единство. Только заревые лепестки вечных роз могут утишить жгучесть адского пламени, лижущего теперь мир, Вечная Жена спасает в минуты смертельной опасности. Недаром вечно-женственный образ Брунгильды¹¹ опоясан огненной рекой. Недаром ее сторожит Фафнер, чудовищный дракон. Соловьев указал на личину безумия, грядущего в мире, и призывал всех обуреваемых призраком углубиться, чтобы не сойти с ума. Но углубиться к вечно-женственным истокам Души значит явить лик Ее перед всеми. Тут начинается теургическая мощь его поэзии, в которой соприкоснулись фетовский пантеизм, лермонтовский индивидуализм с лучезарными прозрениями христианских гностиков.

¹⁰ Белый дает контаминацию отдельных фраз из брошюры Л. Нодо (с. 5–6, 25, 28).

¹¹ Брунгильда (Брюнхильда) – в германо-скандинавской мифологии и эпосе дева-богиня, воительница; Фафнер (Фафнир) – в скандинавской мифологии и эпосе дракон, стерегущий чудесный клад и побежденный Сигурдом-Зигфридом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.